

А.С. Огнев, Э.В. Лихачева, Л.П. Николаева, О.Б. Сапожникова

МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ИГРОВОГО ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Показано, как игровое психолого-педагогическое песочное моделирование помогает человеку понять, что с ним происходит и почему это вызывает у него подобные реакции, как такое моделирование способствует конструктивной переработке имеющегося негативного опыта, как с помощью такого моделирования могут быть найдены глубоко осмысленные эффективные решения злободневных проблем и проведена символическая эмоциональная настройка на их успешную профилактику в будущем. Отмечено, что уникальность игрового психолого-педагогического песочного моделирования состоит в том, что благодаря совершаемому им «здесь и теперь» человек сам для себя делает наглядными, понятными, осязаемыми и поддающимися многоплановому анализу скрытые до этого в глубинах бессознательного психологические основания своих действий. Все это сопровождается конвертацией и согласованием приобретенного знания в представленные в символическом виде «руководства к действию», символического олицетворения желаемого состояния и более подходящего поведения. Отражающая оптимизированный сценарий развития событий песочная картина может стать сознательно используемым эффективным драйвером его запуска и поддержки в реальной жизни. В результате у участника игрового психолого-педагогического песочного моделирования появляются новые стимулы и символические «орудия воли» для роста его самообладания и самопринятия, для углубления понимания других людей и для повышения разумности осуществляемого им выбора.

Ключевые слова: безопасность образовательной деятельности, психологическое песочное моделирование, самообладание, саморазвитие.

A.S. Ognev, E.V. Likhacheva, L.P. Nikolaeva, O.B. Sapozhnikova

MECHANISMS FOR IMPROVING THE SAFETY OF EDUCATIONAL ACTIVITIES WITH THE HELP OF GAME PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL MODELING

The article shows how game psychological and pedagogical sand modeling helps a person to understand what is happening to him and why it causes him such reactions, how such modeling contributes to the constructive processing of existing negative experience, how with the help of such modeling deeply meaningful effective solutions to topical problems can be found and symbolically emotional adjustment for their successful prevention in the future is carried out. It is noted that the uniqueness of the game psychological and pedagogical sand modeling is that, thanks to the «here and now» he performs, a person himself makes the psychological foundations of his actions hidden before in the depths of the unconscious visual, understandable, tangible and amenable to multifaceted analysis. All this is accompanied by the conversion and coordination of the acquired knowledge into presented in a symbolic form «guide to action» – a symbolic personification of the desire.

Keywords: safety of educational activity, psychological sand modeling, self-control, self-development.

Огнев Александр Сергеевич

доктор психологических наук, профессор, профессор института психологии и педагогики. Российский новый университет, Москва. Сфера научных интересов: психология и психодиагностика личности, окуло- и кардиодиагностика. Автор более 150 опубликованных научных работ.

Электронная почта: altognev@mail.ru

Лихачева Эльвира Валерьевна

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и психологии труда. Российский новый университет, Москва. Сфера научных интересов: психология и психодиагностика личности. Автор более 80 опубликованных научных работ.

Электронная почта: zin-ev@yandex.ru

Николаева Любовь Петровна

кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и психологии труда института психологии и педагогики. Российский новый университет, Москва.

Электронная почта: dpsycho@yandex.ru

Сапожникова Ольга Борисовна

аспирант гуманитарного института. Российский новый университет, Москва. Сфера научных интересов: речевое развитие детей с ОВЗ, песочные техники. Автор более 30 опубликованных научных работ.

Электронная почта: dubki4@mail.ru

Важнейшим предметом психологии безопасности образовательной среды является система мер по предотвращению угроз развитию личности, защищенность сознания и психики учащегося [10]. Но как обеспечить все это в условиях массированного информационного (в том числе и крайне деструктивного) воздействия на всех участников современной образовательной деятельности? Что можно в кратчайшие сроки сделать для реального повышения ее безопасности? Согласно имеющимся на данный момент практическим работам [3; 5–9; 11–13] и опыту решения аналогичных проблем нашими зарубежными коллегами, существенное усиление указанных составляющих безопасности образовательной деятельности может быть получено за счет широкомасштабного вне-

дрения элементов игрового психолого-педагогического песочного моделирования.

Психолого-педагогическое песочное моделирование подразумевает построение на песке с помощью игрушечных фигурок, миниатюр таких композиций, которые ассоциируются у человека с какими-то событиями (достижением своей мечты, важными переговорами, ответственным выступлением, проведением учебного занятия, реализацией сложного проекта, трудоустройством, реорганизацией и др.) или сторонами его жизни (важной для этого человека организацией, отношениями с соседями, его трудовым коллективом, учебной группой и так далее). По сути, в специальном ящике для размещения песка человек, как режиссер в театре или кино, как полководец на миниатюрной модели

Механизмы повышения безопасности образовательной деятельности с помощью игрового психолого-педагогического моделирования

будущего поля боя, проигрывает и репетирует с помощью игрушечных фигурок сцены из собственной жизни, ход предстоящих событий. В результате ему удастся наглядно представить, что и как можно сделать для улучшения таких ситуаций и управления такими событиями, подготовиться к реализации своих замыслов. Это сродни тому, что совсем недавно практиковалось при подготовке летчиков к предстоящему полету, когда им советовали «лететь впереди самолета». Это означало мысленное проигрывание всего предстоящего рейса от момента взлета до посадки с учетом особенностей маршрута и ожидаемых погодных условий.

В ходе выбора подходящей игрушечной миниатюры, ее размещения в песочном контейнере-подносе намечающееся в виде едва уловимых образов решение обретает материализованное выражение и может быть более-менее отчетливо зафиксировано. Посредством игрушечных миниатюр, исполняющих роль своего рода «переходных объектов» [6], и работы с ними некоторые существующие на досимволическом уровне компоненты психики создающий песочную композицию человек преобразует в разряд интуитивно понятных ему символов – в то, что он в состоянии постигать и на уровне переживаний, и на уровне осознания. Подобные «снам наяву», песочные композиции помогают их автору настроиться на особый режим осмысления чего-то для него значимого даже тогда, когда это значимое еще не поддается четкому словесному описанию и обычно ускользает от его внимания. Исследования показывают, что в состоянии подобной задумчивости (его иногда под влиянием работ таких авторов, как Уилфред Бион, обозначают как «реверси» – «мечта, греза»), своего рода «мечтательности», потока «сноподобных ассоциаций, чувств

и смутных мечтаний» [1; 14] активизируются обычно «дремлющие» структуры мозга, работа которых наиболее заметна в моменты размышлений человека о самом себе, о своем предназначении, об окружающем его мире. Примечательно и то, что активность подобных структур мозга и взаимодействие между ними резко снижаются при размышлении человека над решением повседневных прагматических задач, связанных с производством, бытом, текущей жизнедеятельностью.

В ходе игрового моделирования песочные картины с успехом могут выполнять функцию перевода во внешний план содержания внутреннего мира человека, неосознаваемых составляющих используемой им на интуитивном уровне схемы ориентировки. Важно и то, что фрагменты такой схемы ориентировки не только осознаются и, подобно «внутреннему компасу», помогают координации человеком своих действий, но еще и способствуют ревизии и согласованию разнонаправленных устремлений.

Верно и обратное. Созданные рациональным путем компоненты схемы ориентировки в результате метафорического представления их в виде песочной композиции, осмысление заложенных в них символов через сопровождающие эти процессы переживания могут обретать свое аффективное содержание. Это способствует свертке такой схемы ориентировки до уровня новых аффективно заряженных комплексов позитивной направленности, действующих и на уровне подсознания в виде определенного рода установок. При этом, разумеется, важна работа по органичному согласованию подобных психологических образований с различными составляющими мотивационно-смысловой сферы личности, в особенности с тем, что человек относит к разряду своих ценно-

стей и сокровенных желаний. Содержащая и когнитивную, и аффективную составляющие символическая осознанность принимаемых в ходе песочного моделирования решений за счет их высокого сродства с бессознательными компонентами мотивационно-смысловой сферы личности облегчает процесс «сочувственной сонастроенности с самим собой» [6, с. 75]. И об этом свидетельствуют не только наблюдения психотерапевтов, сообщения самих клиентов об особых («нуминозных») переживаниях, значимых озарениях, повышении персональной самооффективности и жизнестойкости. Инструментальные исследования последних десятилетий показывают, что только формированием новых психологических конструкций подобного рода моделирование не ограничивается. Согласно данным о работе мозга, о характере изменений сердечного ритма, это способствует созданию и развитию новых нейронных связей, преобразованию путей прохождения нервных импульсов, балансировке работы симпатической и парасимпатической составляющих нервной системы человека [4; 6; 12; 15–20]. Ориентируясь на свои переживания, координируя свои действия согласно «внутреннему компасу», стремясь «шагать в ритме ударов своего сердца», создающий модель желаемого будущего это будущее одновременно и постигает, и репетирует [6; 13].

С учетом сказанного становится понятным, почему важно отслеживать ситуации, когда проявляющиеся эмоции явно не соотносятся с тем, что автор композиции о ней рассказывает. Особенно это касается сочетаний вроде бы беспроблемного текста и выраженных проявлений негативных переживаний – тревоги, душевной боли, гнева и др. В таких случаях человеку особенно важно именно то, чтобы его услышали, а не только дали высказаться. Здесь

искренняя демонстрация понимания, молчаливое принятие в роли клиента человека гораздо важнее интерпретации созданных им картин и выбранных игрушечных миниатюр. В таких ситуациях требуется то, что интуитивно почувствовал и чудесным образом дал страдающему из-за потери своей жены пожилому мужчине один четырехлетний мальчик. Он увидел плачущего старика, забрался к нему на колени и просто сидел с ним какое-то время. Ставшая невольным свидетелем всего этого мама спросила потом сына о том, что он сказал пожилому человеку. Четырехлетний мальчик ответил: «Ничего. Я просто помогал ему плакать».

В нашем примере ребенок сделал переживание взрослого приемлемым. Своим присутствием и молчаливым приятием он создал условия, снижающие действие социальной цензуры, давление нормативного запрета на внешнее проявление горя. Но именно такого рода запреты зачастую становятся своего рода плотиной на пути естественной эмоциональной разрядки в ответ на травмирующие события.

Как отмечают Л. Каннингем, Б. Тернер, В. Щербакова [6; 12; 13], интерпретация песочных композиций не считается ни единственным, ни даже самым эффективным инструментом работы с песочными композициями. Ведущему такую работу психологу вообще рекомендуется в крайнем случае использовать лишь амплификацию, под которой подразумевается демонстрация целого спектра возможных значений выбранных игрушечных миниатюр и созданных композиций. При этом задачей психолога в этом случае будет не «угадывание значений», а содействие клиенту в поиске смысла им сделанного для самого себя. По мнению Рут Амманн, слов произнесено должно быть ровно столько, сколько требуется для того, чтобы сози-

Механизмы повышения безопасности образовательной деятельности с помощью игрового психолого-педагогического моделирования

дательный процесс двигался вперед [13]. И если для этого достаточно одного молчаливого присутствия, то именно им и следует ограничиться.

Подобное молчание не означает отсутствие коммуникации. Линда Каннингем относит его к разряду особого сомато-эмоционального молчаливого общения, которое протекает на уровне матриархального бессознательного. Так, мать своим объятием молча сообщает ребенку о том, что он под ее защитой. Подобным образом отец своим присутствием обозначает значимость для него события, в котором участвуют его дети. Так и опытный учитель может одним лишь взглядом без всяких слов показать ученику, когда он «на его стороне».

В песочном моделировании одна из важнейших задач ведущего, инструктора состоит в формировании, сохранении и укреплении у создающего композицию клиента ощущения защищенности. Клиент, учащийся при необходимости должен получать содействие в поиске ответов на волнующие его вопросы. Выразиться это содействие может в уже упомянутых амплификациях, «молчаливом понимании», в заостряющих внимание клиента на важных элементах композиции вопросах. Повышению чувства защищенности также способствует и то, что многие эмоционально насыщенные образы рассматриваются опосредованно как вынесенные вовне модели, символически обозначенные следы переживаний, а не как сами переживания непосредственно. Клиенту нет необходимости постоянно фокусироваться на далеко не всегда приятных переживаниях. Достаточно рассматривать их как бы со стороны, регулируя по своему усмотрению психологическую дистанцию между собой и предметом своих переживаний, управляя таким способом степенью вовлеченности в само переживание. Это

облегчает и упрощает постижение даже того, что в противном случае могло бы стать источником разрушительных эмоций и перегружающих рассудок логических парадоксов. Поэтому различные варианты подобной игры на песке иногда называют «возделыванием сада своей души», хорошим способом заботиться о своем психическом здоровье [6; 13].

Наполненные агрессией, насилием, хаосом разрушения, «зловещими» картинками композиции – серьезный повод для более глубокого изучения личностных особенностей их автора и его жизненных намерений. Вытесненное в область бессознательного, такое содержание психики в определенных ситуациях может быстро найти свое воплощение в реальной жизни в виде не менее агрессивных и ужасных поступков. И тогда неожиданно для окружающих вчерашний «тихоня», всегда вежливый и даже немного застенчивый мальчик вдруг берется за ружье и отправляется туда, где и были получены многие спавшие до поры психотравмы – в «родную» школу.

Также повышенного внимания требуют скудные по своему содержанию, «депрессивные», безжизненные картины. Зачастую это манифестация переживаемого их авторами разрушительного дистресса. Так можно обнаружить не только намеренно скрываемые, но и недоступные сознанию даже самого клиента деструктивные установки и влечения. Уровень их вытеснения может быть таким, что обнаружить их можно не за счет абстрактной рефлексии и вербализации, а только лишь в символическом виде.

Уникальность психолого-педагогического песочного моделирования состоит в том, что благодаря совершаемому им «здесь и теперь» человек сам для себя делает понятными, а также буквально более наглядными, осязаемыми и поддающимися

многоплановому анализу скрытые до этого в глубинах бессознательного психологические основания своих действий. Многоплановое постижение таких оснований обеспечивается согласованием результатов анализа их ментальных, аффективных, телесных и поведенческих проявлений. Стоит еще раз подчеркнуть, что все это сопровождается конвертацией приобретенного знания в представленные в символическом виде «руководства к действию», символического олицетворения желаемого состояния и более подходящего поведения. Отражающая оптимизированный сценарий развития событий песочная картина может стать сознательно используемым эффективным «спусковым крючком» для его запуска и элементом поддержки в реальной жизни. В результате у участника игрового психолого-педагогического песочного моделирования появляются новые стимулы и символические «орудия воли» для роста его самообладания и самопринятия, для углубления понимания других людей и для повышения разумности осуществляемого им выбора. При этом, работая с материалом собственного бессознательного, сам он в ходе построения и преобразования песочных композиций осознанно занимает позицию творца, повышающего динамическую целостность и устойчивость собственной психики [13].

Отреагирование в ходе игрового песочного моделирования сдерживаемых и скрываемых от окружающих аффективных реакций служит не только средством выявления переживаемых человеком безутешного горя, мучительных сомнений, затаенной жгучей обиды, парализующего страха, «садистской ненависти к себе и горячей ярости» [6]. Путем такого отреагирования человек на уровне манипуляции с символами ищет цивилизованные варианты профилактики опасных форм их

проявления. Это становится возможным благодаря тому, что песочные композиции и игрушечные миниатюры довольно успешно выполняют роль материальных проекций аффективно заряженных комплексов, фиксирующих в памяти человека опыт переживания различных значимых событий. С помощью таких проекций этот опыт можно актуализировать и, если это необходимо, преобразовывать путем осознания и изменения отношения к нему через повторное менее интенсивное и контролируемое переживание прошлых событий. За счет переосмысления таких событий, изменения связанного с ними опыта может быть изменена эмоциональная насыщенность подобных аффективно заряженных комплексов, повышен уровень самоконтроля человеком за их актуализацией и характером заложенных в них переживаний, а также скорректировано связанное с этими переживаниями поведение.

Как инструмент довербально-символической ориентировки игровое психолого-педагогическое моделирование помогает понять человеку то, что с ним происходит и почему это вызывает у него подобные реакции. Такое моделирование помогает конструктивной переработке имеющихся психотравм, формирует и культивирует установку на их успешное купирование. С его помощью могут быть найдены глубоко осмысленные, многократно проверенные решения, а также выполнена путем работы с символами эмоциональная настройка на успешную реализацию таких решений. В результате может быть произведена «трансформация скрытого потенциала психологического страдания человека (то есть страдания от внутренних психологических причин) в усиление способности человека к развитию и укреплению его собственной индивидуальности» [2].

Механизмы повышения безопасности образовательной деятельности с помощью игрового психолого-педагогического моделирования

Будучи «интервенцией низкого риска», игровое психолого-педагогическое моделирование может быть без особого труда освоено не только работающими в различных учебных заведениях психологами, но и педагогами различного профиля, преподавателями-предметниками, тьюторами, коучами и социальными работниками. Простота и широкая доступность используемых в таком моделировании средств позволили, например, Китайской Народной Республике быстро оборудовать предназначенные для этого метода кабинеты даже в обычных сельских школах. Наличие таких кабинетов позволило наладить широкомасштабную работу с различными молодежными группами, отдельными учениками, детьми и их родителями. Сейчас такое моделирование реализуется не только в обычных школах. Его применяют и в центрах профилактической работы с правонарушителями и с их близкими.

Богатый опыт практического использования различных форм и методов работы с песочными композициями в консультировании и коррекционной работе [3; 5–9; 11–13] позволяет надеяться на то, что этот метод при наличии политической воли к его применению может в кратчайшие сроки стать ценной составляющей системы обеспечения безопасности образовательной деятельности любого рода. Сопоставимость

выполняемых в ходе игрового песочного моделирования процедур создает хорошие предпосылки для интенсивного обмена опытом между применяющими его специалистами. А это одно из условий быстрого развития и повышения эффективности любого метода. Незначительные расходы на оборудование кабинетов для игрового песочного моделирования делают его широкомасштабное внедрение вполне реальным. Быстрая и нетрудоемкая фиксация создаваемых композиций в виде цифровых снимков как отчетов о выполненной работе обеспечивает этому методу высокую транспарентность и, следовательно, облегчает контроль за совершаемыми процедурами. Работа с визуальными образами делает игровое песочное моделирование вполне экологичным для «цифрового поколения», получающего возможность для конструктивного использования феномена «клипового сознания». Простота входящих в состав игрового песочного моделирования процедур позволяет быстро освоить методическую часть этой работы. Все это позволяет вполне обоснованно утверждать, что игровое психолого-педагогическое моделирование – один из перспективных методов, поддающийся оперативному широкомасштабному внедрению в систему российского образования для повышения ее психологической безопасности.

Литература

1. Бион У. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008. 128 с.
2. Гулина М.А., Зинченко Ю.П. Консультативная психология. СПб.: Питер, 2018. 336 с.
3. Доронина Е.В. Практические рекомендации по использованию метода «песочной терапии». Великий Новгород, 2013. 26 с.
4. Применение компьютерного кардиографа «Кардиокод» в инженерной и социальной психологии / Зернов В.А. [и др.] // Высшее образование сегодня. 2019. № 3. С. 68–75.
5. Зинченко-Евстигнеева Т.Д. Игра с песком: практикум по песочной терапии. СПб.: Речь, 2019. 256 с.
6. Каннингем Л. Сэндплей и терапевтические отношения. М., 2018. 178 с.

7. Кристал Ф. Техники сновидений наяву: невидимые цепи бытия. М.: Амрита-Русь, 2016. 304 с.
8. Кэджьюсон Х., Шефер Ч. Практикум по игровой психотерапии. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
9. Огнев А.С., Николаева Л.П., Лихачева Э.В. Психологическое песочное моделирование как инструмент позитивного субъектогенеза. М.: Спутник+, 2020. 134 с.
10. Психология безопасности: учеб. пособие для вузов / А.И. Донцов, Ю.П. Зинченко, О.Ю. Зотова, Е.Б. Перельгина. М.: Юрайт, 2020. 276 с.
11. Сакович Н.А. Технология игры в песке. СПб.: Речь, 2008. 176 с.
12. Тернер Б. Руководство по сэндплэй-терапии. М.: Дипак, 2015. 648 с.
13. Щербакова В. Миры на песке. Песочная терапия. Рига, 2010. 293 с.
14. Bertan A., Berger M. Matrix and Reverie in Supervision Groups // *Group Analysis*. Vol. 40. No 2. Pp. 236–250.
15. Cardiometric detection of effects and patterns of emotional responses by a human individual to verbal, audial and visual stimuli // *Cardiometry*. 2019. No 14. Pp. 79–86. DOI: 10.12710/cardiometry.2019.14.7986.
16. Use of cardiometry and oculography in concealed information detection // *Cardiometry*. 2019. No 14. Pp. 87–95. DOI: 10.12710/cardiometry.2019.14.8795
17. Validity of cardiometric performance data: an integral part of complex assessment of training session effectiveness // *Cardiometry*. 2019. No 14. Pp. 96–100. DOI: 10.12710/cardiometry.2019.14.96100
18. Cardiometric fingerprints of various human ego states // *Cardiometry*. 2019. No 15. Pp. 38–42.
19. Cardio-oculometric indicator of psychophysiological readiness of students to examinations // *Cardiometry*. 2020. No 16. Pp. 28–34.
20. Cardiometric evidence data on human self-control of emotional states in the context of the use of metaphoric associative cards // *Cardiometry*. 2020. No 16. Pp. 55–61.
21. Cardiometric confirmations of psychotherapeutic effectiveness of psychological sand modeling // *Cardiometry*. 2021. No 19. Pp. 38–42.

References

1. Bion U. (2008) *Nauchenie cherez opy't perezhivaniya* [Learning through the experience of experience]. Moscow: Kogito Center. 128 p. (In Russian).
2. Gulina M.A., Zinchenko Yu.P. (2018) *Konsul'tativnaya psixologiya* [Consultative psychology]. St. Petersburg: Piter. 336 p. (In Russian).
3. Doronina E.V. (2013) *Prakticheskie rekomendacii po ispol'zovaniyu metoda «pesochnoj terapii»* [Practical recommendations for the use of the method of “sand therapy”]. Veliky Novgorod. 26 p. (In Russian).
4. Zernov V.A. (2019) *Primenenie komp'yuternogo kardiografa «Kardiokod» v inzhenernoj i social'noj psixologii* [Application of computer cardiograph “Cardiocode” in engineering and social psychology]. *Higher education today*. No 3. Pp. 68–75. (In Russian).
5. Zinchenko-Evstigneeva T.D. (2019) *Igra s peskom: praktikum po pesochnoj terapii* [Playing with sand: a workshop on sand therapy]. St. Petersburg: Speech. 256 p. (In Russian).
6. Cunningham L. (2018) *Se'ndplej i terapevticheskie otnosheniya* [Sandplay and therapeutic relationships]. Moscow. 178 p. (In Russian).

Механизмы повышения безопасности образовательной деятельности
с помощью игрового психолого-педагогического моделирования

7. Crystal F. (2016) *Tehniki snovidenij nayavu: nevidimy`e cepi by`tiya* [Techniques of dreams in reality: invisible chains of being]. Moscow: Amrita-Rus. 304 p. (In Russian).
8. Cadwson X., Schaefer C. (2001) *Praktikum po igrovoj psixoterapii* [Practicum on game psychotherapy]. St. Petersburg: Piter. 416 p. (In Russian).
9. Ognev A.S., Nikolaeva L.P., Likhacheva E.V. (2020) *Psixologicheskoe pesochnoe modelirovanie kak instrument pozitivnogo sub`ektogeneza* [Psychological sand modeling as a tool of positive subjectogenesis]. Moscow: Sputnik+ Publishing. 134 p. (In Russian).
10. Dontsov A.I., Zinchenko Yu.P., Zotova O.Y., Pereygina E.B. (2020) [Psychology of safety]. Moscow: Jurait. 276 p. (In Russian).
11. Sakovich N.A. (2008) *Tehnologiya igry` v peske* [Technology of the game in the sand]. St. Petersburg: Speech. 176 p. (In Russian).
12. Turner B. (2015) *Rukovodstvo po se`ndple`j-terapii* [Guide to sandpley therapy]. Moscow: Deepak. 648 p. (In Russian).
13. Shcherbakova V. (2010) *Miry` na peske. Pesochnaya terapiya* [Worlds in the sand. Sand therapy]. Riga. 293 p. (In Russian).
14. Berman A., Berger M. Matrix and Reverie in Supervision Groups // Group Analysis. Vol. 40. No 2. Pp. 236–250.
15. Cardiometric detection of effects and patterns of emotional responses by a human individual to verbal, audial and visual stimuli // *Cardiometry*. 2019. No 14. Pp. 79–86. DOI: 10.12710/cardiometry.2019.14.7986.
16. Use of cardiometry and oculography in concealed information detection // *Cardiometry*. 2019. No 14. Pp. 87–95. DOI: 10.12710/cardiometry.2019.14.8795
17. Validity of cardiometric performance data: an integral part of complex assessment of training session effectiveness // *Cardiometry*. 2019. No 14. Pp. 96–100. DOI: 10.12710/cardiometry.2019.14.96100
18. Cardiometric fingerprints of various human ego states // *Cardiometry*. 2019. No 15. Pp. 38–42.
19. Cardio-oculometric indicator of psychophysiological readiness of students to examinations // *Cardiometry*. 2020. No 16. Pp. 28–34.
20. Cardiometric evidence data on human self-control of emotional states in the context of the use of metaphoric associative cards // *Cardiometry*. 2020. No 16. Pp. 55–61.
21. Cardiometric confirmations of psychotherapeutic effectiveness of psychological sand modeling // *Cardiometry*. 2021. No 19. Pp. 38–42.